ПАРТНЕР ВЫПУСКА ГАЗПРОМБАНК БАНК ГПБ (АО)

КНИГИ

Пролог или эпилог?

Роман Михаила Булгакова «Белая гвардия», написанный почти 100 лет назад, вышел в новом переводе на немецкий язык. О его особенностях рассуждает Пауль Оствальд.

ТЕЛЕКАНАЛ «РОССИЯ»

ТЕЛЕКАНАЛ «РОССИЯ»

ТЕЛЕКАНАЛ «РОССИЯ»

ТЕЛЕКАНАЛ «РОССИЯ»

Так выглядит «Белая гвардия» в полюбившемся России фильме режиссера Сергея Снежкина

Москва, 1930 год. Советский писатель Михаил Булгаков сидит за своим столом, погрузившись в уныние. Сначала со сцен театров изгнали его персонажей, а теперь к тому же забрали и рукописи. Иосиф Сталин приступил к масштабному переустройству советского общества, которое еще только приведет к гибели миллионов людей.

Одна из задекларированных целей — представители интеллигенции, имевшие связи со старой, царской Россией и сомневавшиеся в авторитете новых властей. К Булгакову было применимо как первое, так и второе. Отчаявшись, в марте 1930 года писатель делает то, что умеет делать лучше всего: он пишет. На этот раз — письмо Иосифу Сталину. «Вся пресса СССР, а с нею вместе и все учреждения, которым поручен контроль репертуара, в течение всех лет моей литературной работы единодушно и с необыкновенной яростью доказывали, что произведения Михаила Булгакова в СССР не могут существовать. И я заявляю, что пресса СССР совершенно права. Я прошу правительство СССР приказать мне в срочном порядке покинуть пределы СССР»,— пишет он. И получает ответ — по телефону, лично от Сталина: дескать, не хотите ли лучше устроиться работать в московский театр? Булгаков предложение принимает.

Вероятно, это самый курьезный эпизод в такой незаурядной жизни Булгакова, нетипичного советского гражданина, чей роман «Мастер и Маргарита» в числе прочих заложил фундамент русского модернизма. Всю свою жизнь автор переходил границы: между своей первой родиной Украиной и второй — Россией, между бытием диссидента и сталинского любимца, между реализмом и магизмом.

Его писательская карьера началась в смутное послевоенное время с романа «Белая гвардия», который 100 лет спустя выйдет на немецком языке в новом переводе Александра Нитцберга. Это удачный момент, ведь большой роман о поиске украинцами собственной идентичности начиная с 2014 года все более и более актуален.

«Белая гвардия» описывает судьбу 28-летнего Алексея Турбина, который вместе с братом и сестрой живет в оккупированном немцами Киеве, когда в декабре 1918 года в город входят войска украинского националиста Симона Петлюры. Турбин, который, как и сам Булгаков, изучает медицину и является человеком старого, царского мира, не может скрыть презрение к неотесанному и антисемитскому национализму Петлюры. Вновь изобретаемый украинский язык, превращающий Харьков в Харькив, ему тоже не по душе. Он возмущается, вспоминая разговор с националистом, «разучившемся» говорить по-русски, но так и не научившемся говорить «на этом проклятом языке»: «„Так вот спрашиваю: как по-украински «кот»? Он отвечает «кит». Спрашиваю: «А как кит»? А он остановился, вытаращил глаза и молчит. И теперь не кланяется“.

Николка с треском захохотал и сказал

— Слова „кит“ у них не может быть, потому что на Украине не водятся киты».

Всю эту булгаковскую иронию Нитцберг пытается сохранить в своем переводе. <…> Между строк здесь уже мерцает эра фантастического, которая позднее просияет в «Мастере и Маргарите».

Среди марионеточного режима периода немецкой оккупации и полчищ крестьян-националистов Турбины и белогвардейцы пытаются сохранить то исчезающее, что придавало старому миру его блеск: зачитанные книги в библиотеках, аристократические манеры, веру в иерархичный, упорядоченный мир. Маленькая квартирка Турбиных с накрахмаленными скатертями и тикающими напольными часами становится капсулой времени в разгуле анархии. Но удержаться удается недолго. Но потом Киев занимают националисты, а царская Россия, окончательно разбитая, покидает мировую арену.

> Он возмущается, вспоминая разговор с националистом, «разучившемся» говорить по-русски, но так и не научившемся говорить «на этом проклятом языке»

Булгакову, выходцу из того же слоя общества, что и Турбин, не всегда удается скрывать симпатии к своему герою, к его сентиментальности — это подмечали и его критики. Вскоре после публикации издатели, цензоры и режиссеры бились с Булгаковым за право на собственную интерпретацию. Различные версии попадают за границу и публикуются, вопреки стараниям Булгакова. Вплоть до 1990-х годов весь этот разнобой будет доминировать в дискуссии об истинной авторской редакции. «От меня осталась только тень, каковую можно будет показывать в виде бесплатного приложения к означенной пьесе» — так он сам комментировал ситуацию в одном письме. Якобы авторизованная версия двух последних глав была включена в перевод Решке 1992 года, однако в версии Нитцберга вновь была исключена из текста романа.

Потом вокруг булгаковского эпоса надолго воцаряется тишина. И только новая экранизация российского режиссера Сергея Снежкина в 2012 году вновь пробуждает это произведение к жизни. В ней показывается тот Турбин, для которого украинский национализм — это фарс, вызывающий смех. Вскоре после аннексии Крыма в 2014 году украинское правительство запретило восьмисерийный фильм. В России, напротив, «Белая гвардия» с 2013 года включена в список литературы, рекомендованной российским Минобразования для самостоятельного чтения.

Но что же на протяжении почти 100 лет делает появление «Белой гвардии» событием политическим? Автор романа, казалось бы, представитель украинской интеллигенции, дискредитирует идею украинской независимости. Но, возможно, для Булгакова Турбин немногим больше, чем реакционная личность, а белая гвардия не что иное, как литературная проработка Октябрьской революции? Как в 2016 году заметил бохумский языковед Александр Забирко, «единство места и мнимая похожесть действия» скандальным образом «заставляют забыть об отсутствии единства времени». Украинский национализм образца 1918 года, столь ненавистный Турбину, с тех пор претерпел множество перемен. И это притом, что даже осмеянный Булгаковым Петлюра остается определенным ориентиром для таких политиков, как экс-президент Виктор Ющенко.

Так что же, Булгаков предстает в роли знаменосца определенного российского экспансионизма? Вероятно, сам он чувствовал бы себя в ней весьма неуютно. В своем письме к Сталину он высказал пожелание, чтобы его воспринимали как писателя, стоящего над всеми фракциями. Когда в 1940 году в Москве Булгакова не стало, Сталин как раз расширил Украину за счет запада Польши. В Москве шла только одна пьеса драматурга — адаптация «Белой гвардии», настолько переделанная и искаженная, что она смогла попасть на советские сцены и стать одним из любимых произведений Сталина.

Заново написанная концовка, пожалуй, идеально вписывается в контекст украинской политдискуссии. «Господа, сегодняшний вечер — великий пролог к новой исторической пьесе»,— подытоживает брат Турбина Николка. Однако последнее слово остается не за ним. Споры о наследии Булгакова разгораются заново.

